

И.С. Бабушкина

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

**ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТОСТРОЕНИЯ РОМАНА
Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»: ПРОБЛЕМА
«ВНУТРЕННЕГО ЗАМКА»**

Аннотация. В статье рассматривается проблема сюжетостроения романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Анализируя две сюжетные линии, связанные с образами главных героев – Анны Карениной и Константина Левина, автор статьи приходит к выводу, что художественное единство романа обеспечивается «внутренней связью», на существовании которой настаивал Толстой. «Внутренняя связь», а значит художественная целостность романа, обусловлена поисками смысла жизни, которые ведут оба главных героя, но в разных направлениях. В начале романа оба героя смысл жизни видят в одном и том же – в личном счастье. Однако понимание счастья, а главное – «избрание пути», ведущего к нему, у них оказываются разными. Отсюда разным оказывается и итог их исканий.

Ключевые слова: сюжетостроение, литературные сюжеты, русская литература, русские писатели, литературное творчество, анализ литературного произведения, поиск смысла жизни.

Многие современники Л.Н. Толстого не сразу поняли особенности художественной организации романа «Анна Каренина» [См. об этом подробнее: Горная 1979]. Воспринимая произведение в жанровой традиции семейного романа, читатели и критики отмечали рыхлость композиции «Анны Карениной», разъединенность главных сюжетных линий – Анны и Левина, развивающихся, как будто бы, совершенно самостоятельно, независимо друг от друга. Подтверждением этого является письмо известного педагога, профессора С.А. Рачинского, который в 1878 году писал Толстому об «Анне Карениной»: «Последняя часть произвела впечатление охлаждающее, не потому, чтобы она была слабее других (напротив, она исполнена глубины и тонкости), но по коренному недостатку в построении всего романа. *В нем нет архитектуры. В нем (т. е. в романе)*

развиваются рядом и развиваются великолепно две темы, ничем между собою не связанные. Как обрадовался я знакомству Левина с Анной Карениной. Согласитесь, что это один из лучших эпизодов романа. Тут представлялся случай связать все нити рассказа и обеспечить за ними целостный финал. Вы не захотели — бог с вами. “Анна Каренина” — все-таки остается лучшим из современных романов, а вы первым из современных писателей» [Цит. по: Бабаев 1978: 113. Курсив наш. – И.Б.]

В ответ на письмо Рачинского Толстой пишет следующее: *«Суждение ваше об “Анне Карениной” мне кажется неверно. Я горжусь, напротив, архитектурой – своды сведены так, что нельзя и заметить, где замок. И об этом я более всего старался. Связь постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомстве) лиц, а на внутренней связи. <...>... боюсь, что, пробежав роман, вы не заметили его внутреннего содержания. <...> если вы ... хотите говорить о недостатке связи, то я не могу не сказать – верно вы ее не там ищете... эта связь там есть – посмотрите – вы найдете» [Толстой 1984: 819. Курсив наш. – И.Б.]*

В литературоведении значение термина «сюжет» понимается примерно одинаково разными исследователями. В своей статье мы исходим из понимания сюжета, предложенного в учебном пособии Н.Л. Лейдермана и Н.В. Барковской, которое кажется нам более точным: «Сюжет – последовательность событий, в которых развивается конфликт. Элементы сюжета: экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, развязка» [Лейдерман, Барковская 2003: 68]. Здесь возникает проблема соотношения сюжета и фабулы, которая по-разному решается в литературоведении. Так, представители формальной школы полагали, что «фабула – развитие событий, сюжет – как “сделан” об этом рассказ» [См.: там же]. Нам близка та трактовка понятий «сюжет» и «фабула», которое дается в названном выше пособии: если в основе сюжета как «последовательности событий» лежит, по сути, развитие конфликта, то фабула – порядок и способ сообщения о сюжете (повествование о ходе событий)

Каковы же особенности сюжетостроения романа, как соотносятся друг с другом его основные сюжетные линии? Где тот внутренний «замок», о котором писал Толстой в письме С.А. Рачинскому? Для ответов на эти вопросы обратимся к анализу обеих сюжетных линий романа.

Роман, в заглавие которого вынесено имя главной героини, начинается отнюдь не с ее появления. Первая фраза первой главы, ставшая афоризмом, имеет всеобщий характер: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» (3)¹. Это своеобразное «философское вступление» (Э.Г. Бабаев) к роману: семейный разлад выступает как выражение общего кризиса, переживаемого русским обществом в пореформенный период. Сразу возникает антитеза «счастье» и «несчастье». Следующая далее фраза «Все смешалось в доме Облонских», с одной стороны, сохраняет свойственный началу романа обобщенный смысл, о котором напомним потом известные слова главного героя романа – Левина («У нас все... переворотилось и только укладывается»), а с другой – проблема «счастье/несчастье» конкретизируется: несчастье случилось пока не в жизни главной героини, а в семье ее брата – Стивы Облонского. По нашему мнению, такое начало является своего рода «короткометражной» экспозицией всего романа, имеющей отношение к обеим его сюжетным линиям.

Завязка сюжетной линии Анны Карениной начинается лишь с XVII – XVIII глав первой части, когда она прибывает в Москву с целью уладить разлад в семье брата Стивы. На вокзале происходит ее знакомство с графом Алексеем Вронским. Встреча станет роковой не только для Вронского, но и, прежде всего, для Анны: «Как будто избыток *чего-то* так переполнял ее существо, что мимо ее воли выражался то в блеске взгляда, то в улыбке. Она потушила умышленно свет в глазах, но он светился против ее воли в чуть заметной улыбке» (64. Курсив наш. –

¹ Здесь и далее цит. по: [Толстой 1970] (с указанием страниц в тексте работы).

И.Б.). И это «что-то» есть не что ничто иное как страсть, которая вспыхивает, подобно искре, между героями.

Вместе с тем внезапно вспыхнувшая страсть сразу же сопровождается «дурным предзнаменованием», которым становится гибель сторожа, раздавленного поездом. Так, с самого начала романа возникает ощущение гибельности пути, который изберет Анна в своем стремлении к счастью. «Ощущение ужаса перед чем-то *страшным, железным, механически беспощадным*, что должно погубить ее, возникает в сознании Анны в первый момент появления ее в романе, когда, приехав в Москву и не успев еще покинуть вагон, она узнает, что тот самый поезд, на котором она ехала, раздавил человека – железнодорожного сторожа. Потом ей часто снился мужичок, работающий над *железом*, – и это железо казалось ей предзнаменованием ее трагической гибели» [Бурсов 1956: 542. Курсив автора. – И.Б.]. Но «выбор был уже сделан, простые и глубокие человеческие чувства брали верх над всеми остальными, и Анна, не желая думать об этом, неуклонно шла навстречу своему счастью и своей гибели» [Там же: 523].

Встреча Анны и Кити также играет важную роль в дальнейшем развитии сюжетной линии. Анна невольно оказывается разлучницей, даже не подозревая об этом. Влюбленная в Алексея Вронского Кити становится свидетелем зарождения «преступной связи» между Анной и графом. Сцена на балу, сближающая героев, отмечена оттенком греховности, наваждения, граничащего с чем-то дьявольским (что ощущается уже в облике Анны: *черное* бархатное платье, ее *черные* кудри и *сверкающие* глаза). Эта печать греховности, дьявольщины еще сильнее была выражена в черновых набросках романа: «В душе ее [Анны – И.Б.] “*дьявольский блеск*” и решимость ни перед чем не останавливаться»; «в ответ на вопросы она [Анна – И.Б.] отделяется ничего не значащими фразами и со счастливым, спокойным, “*дьявольским*” *лицом* целует мужа в лоб» [Цит. по: Гудзий 1939: 402. Курсив наш. – И.Б.].

Любовная игра, начавшаяся на вокзале, продолжилась на балу. Бал окажется отправной точкой перемен, которые произойдут в Анне. Она становится «странный», не такой, какой

ее всегда привыкли видеть домашние. Еще недавно ее так тянуло к сыну, а теперь ей не хочется уезжать из Москвы. Фраза Анны, брошенная далее в диалоге с Долли, имеет большой смысл: «У каждого есть в душе свои skeletons [тайны – И.Б.], как говорят англичане» (101).

Не влечение пугало Анну, а она сама, новая, совсем незнакомая, ее пугали собственные «skeletons» в душе. В вагоне, спешно возвращаясь в Петербург, будто убегая от Вронского, а на самом деле от себя, она спрашивает себя: «Я сама или другая?» (104). С одной стороны, она думала, что ее жизнь до встречи с Вронским была «хорошая и привычная». Но, с другой стороны, она теперь не хотела возвращаться в эту жизнь, потому что поняла, что она была ненастоящей: «Ей [Анне – И.Б.] неприятно было следить за отражением жизни других людей. Ей слишком самой хотелось жить» (103).

Встреча в Петербурге с мужем ясно дает понять Анне, что она теперь другая. То нежное чувство, которое прежде полностью отдавалось сыну, теперь разделялось на двоих – Сережу и Вронского. И эта раздвоенность станет отныне источником страданий Анны: «Сердце ее раздваивалось между любовью к Вронскому и любовью к сыну» [Бабаев 1982: 423].

После встречи с Вронским изменилось отношение Анны не только к мужу и сыну, но и к светскому окружению. Тот кружок, в котором она ранее находила друзей, теперь «стал ей невыносим». «Ей показалось, что и она и все они притворяются» (130). Это было связано с осознанием искусственности своей прежней жизни.

В свою очередь, перемена в Анне не осталась незамеченной петербургским обществом: «Анна очень переменялась со своей московской поездки. В ней есть что-то странное» (138). То светское общество, к которому принадлежала Анна, теперь, наконец, было радо уличить ее в самом непростительном преступлении – измене мужу. «Они ждали только подтверждения оборота общественного мнения, чтоб обрушиться на нее всею тяжестью своего презрения. Они приготавливали уже те комки грязи, которыми они бросят в нее, когда придет время» (177). И это время не заставило себя ждать:

сцена офицерских скачек, в которых участвовал Вронский, становится одной из важнейших в сюжетной линии Анны, развивающейся стремительно, с нарастанием драматического напряжения.

Поворотным становится свидание Анны и Вронского перед скачками. Вронский, узнав о беременности Анны, предлагает ей развестись с мужем. «Между тем, Анна, не была так решительно настроена. <...> Для Анны оставить всё старому – значит потерять Вронского, а сделать по-новому – потерять сына» [Бурсов 1956: 524]. Вот тот «гордиев узел», который так и не смогла разрубить Анна: чувство любви к Вронскому и преданности сыну разрывало ее изнутри.

Взгляд Анны, устремленный во время скачек только на Вронского и громкий вскрик при его падении с лошади дали обществу неопровержимое доказательство ее связи с графом. Гибель Фру-Фру, вследствие неловкого движения Вронского, справедливо полагает Э.Г. Бабаев, в символической структуре романа является «таким же дурным предзнаменованием, как смерть сцепщика» [Бабаев 1978: 55].

Постепенно в отношении Анны к Вронскому появляется новое разрушающее чувство – ревность. «Эти припадки ревности, в последнее время все чаще и чаще находившие на нее, ужасали его и, как он ни старался скрывать это, охлаждали его к ней, несмотря на то, что он знал, что причина ревности была любовь к нему». Вронский чувствовал, что «лучшее счастье было уже позади» (366).

Предзнаменования смерти сопровождают Анну на протяжении всего романа. *Кульминацией* в сюжетной линии Анны становятся ее роды, когда ощущение смерти оказывается реальным не только для нее, но и для Каренина и Вронского. В этой критической ситуации Анна признается: «Я все та же... Но во мне есть другая, я ее боюсь – она полюбила того, и я хотела возненавидеть тебя и не могла забыть про ту, которая была прежде. Та не я. Теперь я настоящая, я вся» (421). «Думая о смерти, – пишет Б. И. Бурсов, – она хочет соединить то, чего не удалось ей соединить в жизни, и на минуту достигает этого. С Вронским у нее связано представление о себе как о любящей

женщине, с Карениным – как о безупречной матери их сына, как о некогда верной жене. Анна хочет одновременно быть и *тою*, и *другою*» [Бурсов 1956: 525. Курсив автора. – И.Б.].

Однако момент всеобщего великодушия, которое демонстрируют участники упомянутой сцены, был именно только моментом. Оправившись от родов, Анна отказалась от развода с оставлением ей сына, на который был согласен уже теперь Каренин, потому что «она бы почувствовала себя в нравственном отношении ниже Каренина, виноватой перед ним: она сделала его несчастным, а он открывал ей дорогу к счастью. Анна же всё время думает, что ради ее счастья никто не должен приносить никаких жертв». «Если бы Толстой заставил Анну взять развод в тот момент, когда муж давал ей его, – размышляет далее Б.И. Бурсов, – ее судьба, начиная с этого момента, перестала бы быть типической. Это означало бы, что у Анны нашелся выход, что перед нею открылся *путь к счастью*, как она его понимала. Между тем, *этого пути у нее не было и не могло быть*» [Бурсов 1956: 526. Курсив наш. – И.Б.].

Дальше действие романа в сюжетной линии Анны будет неудержимо двигаться к катастрофе, которую не может предотвратить даже путешествие героев по Европе. Оно лишь на короткое время дало Карениной ощущение счастья. Возвращение Вронского и Анны в Петербург снова позволило героине понять глубину ее трагедии, сильнейшим выражением которой является сцена свидания с сыном. Встреча с сыном только усугубило душевное расстройство и состояние внутренней раздвоенности Анны. Выражение этого состояния становится отношением героини к дочери, рожденной от Вронского: она не испытывала такой же материнской любви к ней, как к Сереже. Не случайно при описании чувств Карениной к Ане Толстой не использует даже имени девочки, называя ее просто «ребенок».

Посещение Анной театра, вопреки желанию Вронского, оказывается еще одним выражением ее отчаяния: появиться в театре, на виду у всех, будто «у позорного столба», – «значило не только признать свое положение погибшей женщины, но и бросить вызов свету, то есть навсегда отречься от него» (110).

И снова лишь на какое-то время отдалить неизбежную катастрофу смог переезд в Воздвиженское. Однако это было именно «временное» состояние счастья. Анну все больше мучает безразличие, как ей кажется, Вронского: «Она чувствовала, что рядом с любовью, которая связывала их, установился между ними злой дух какой-то борьбы, которого она не могла изгнать ни из его, ни, еще менее, из своего сердца» (269).

Этот «злой дух борьбы» приводил в работу механизм дисгармонии. Ссоры достигли того порога, когда любовь, точнее страсть, потухла, когда с русского языка герои перешли на французский, когда с «ты» они перешли на холодное «вы». Единственным выходом для Анны становится смерть, мысли о которой все чаще и чаще приходят ей в голову: «И стыд и позор Алексея Александровича, и Сережи, мой ужасный стыд – все спасается смертью. Умереть – и он будет раскаиваться, будет жалеть, будет любить, будет страдать за меня» (307).

Невозможность переносить страдания приводит Анну на станцию с выразительным названием Обираловка, где героиня сводит счеты с жизнью. Это *развязка* в сюжетной линии главной героини. Так трагически заканчиваются поиски любви и счастья, которые на том пути, что избрала Анна, оказываются невозможными для нее.

Повествование о судьбе Карениной постоянно прерывается рассказом о жизни второго главного героя романа Константина Левина.

Левин появляется в романе раньше Анны Карениной. Он приезжает в Москву для того, чтобы сделать предложение Кити Щербацкой, в которую влюблен. Это *завязка* в сюжетной линии Левина. Любовь Левина к Кити не была секундным порывом. Он долго, со студенческих лет, вынашивал в себе это чувство.

В московском светском обществе его считали более чем странным. Но Левину было все равно, что думали о нем окружающие. Он жил лишь одним мучимым его вопросом согласится ли Кити стать его женой или нет? Это составляло смысл его жизни, занимало все его мысли. По крайней мере, именно таким предстает Левин в начале романа.

Отказ Кити Левин принял не как оскорбление, а как доказательство своей ничтожности: «Да, что-то есть во мне противное, отталкивающее. И не гожусь я для других людей. Да, она должна была выбрать его [Вронского – И.Б.]. Так надо, и жаловаться мне не на кого и не за что. Виноват я сам. Какое право имел я думать, что она захочет соединить свою жизнь с моею? Кто я? И что я? Ничтожный человек, никому и ни для кого не нужный» (87).

Невозможность (по крайней мере, на данный момент) личного счастья заставил Левина искать смысл жизни в чем-то другом. Он окунается с головой в деревенскую жизнь: он почувствовал «себя собой и другим не хотел быть» (95). Деревня открыла ему глаза на то, что, помимо его личной жизни, есть еще жизнь общая, жизнь народа.

Через все «деревенские главы» сюжетной линии Левина проходит мотив поиска. «Левин упорно занимается хозяйством, он пишет книгу, пытаюсь выяснить тот путь, по которому деревня должна развиваться в новых условиях. Он всё время присматривается к тому, как идет дело у других помещиков. Он устанавливает как непреложный факт исторический крах дворянства. Его глубоко волнует и огорчает это обстоятельство, тем более, что за счет разорения дворянства наживаются темные дельцы...» [Бурсов 1956: 530].

Отношение Левина к деревенской жизни, народу получают свое ясное выражение в эпизоде, посвященном приезду брата – Сергея Кознышева (ч. 3, гл. I). Между братьями складываются неловкие отношения из-за разности жизненных позиций. «Для Константина Левина деревня была место жизни, то есть радостей, страданий, труда; для Сергея Ивановича деревня была... отдых от труда, с другой – полезное противоядие испорченности... Кроме того, и отношение Сергея Ивановича к народу несколько коробило Константина. Сергей Иванович говорил, что он любит и знает народ. Для Константина народ был только главный участник в общем труде, и, несмотря на все уважение и какую-то кровную любовь к мужику... приходил в озлобление на народ за его беспечность, неряшливость, пьянство, ложь» (244).

Левин считал себя частью народа, поэтому не приписывал народу, то есть и себе, никаких особенных качеств или недостатков. «Это дело не мое личное, а тут вопрос об общем благе. Все хозяйство, главное – положение всего народа, совершенно должно измениться. Вместо бедности – общее богатство, довольство; вместо вражды – согласие и связь интересов. Одним словом, революция, бескровная, но величайшая революция, сначала в маленьком кругу нашего уезда, потом губернии, России, всего мира» (352).

Толстой изображает постепенное погружение Левина в народную жизнь, апофеозом которой становится сцена сенокоса на Калиновом лугу (ч. 3, гл. IV). Захваченность «общим веселым трудом», беседы со стариками, любование «сильной, молодой, недавно проснувшееся любовью» молодого крестьянина Ивана Парменова и его жены делают понятными для Левина слова Фоканыча о необходимости жить «для души, по правде, по-божьи», которые глубоко проникают в душу героя. Левин испытывает «чувство зависти к людям, живущим этою жизнью», и ему «в первый раз ясно пришла мысль о том, что от него зависит переменить ту столь тягостную праздную, искусственную и личную жизнь, которою он жил, на эту трудовую, чистую и общую прелестную жизнь» (281).

В этих размышлениях Левина о народе, земледельческом труде, как давно установлено, отражаются мысли самого Л.Н. Толстого, который «стремился найти такое решение крестьянского вопроса, которое могло бы послужить примером для всех дворян, для самого правительства. При этом им руководила как забота об улучшении положения крестьянства, так и забота об исторической судьбе дворянства. Он хотел совместить несовместимое» [Бурсов 1956: 460]. В понимании Толстого, «народ не только играет определяющую роль в исторических событиях, он создатель жизни, творец материальных и духовных ценностей; он – основа и источник всего того, чем живет общество» [Храпченко 1980: 169]. По справедливому мнению М.Б. Храпченко, в «Анне Карениной» мы имеем дело с новым (в сравнении с «Войной и миром») художественным воплощением «мысли народной», которая полное свое выражение получает в нравственных исканиях Левина.

Казалось бы, столь долго желаемая женитьба на Кити должна была бы завершить искания Левина, однако брак оказался совсем не таким, каким представлял его себе Левин. «Левин был счастлив, но, вступив в семейную жизнь, он на каждом шагу видел, что это было совсем не то, что он воображал» (45).

Осознание того, что человек не может замкнуться в узком мире семейной (хотя бы счастливой) жизни постепенно приходит к Левину. Смерть брата Николая со всей остротой ставит перед ним вопрос о смысле жизни, смерти и бессмертии (ч. 5, гл. XX). Важность этого эпизода в сюжетной линии Левина подчеркнута самим Толстым: глава XX, о которой идет речь, - единственная в романе, имеющая заглавие – «Смерть». От отчаяния перед лицом «тайны» «неизбежности смерти» Левина спасает любовь к Кити и сообщение о ее беременности – другая «тайна», «вызывавшая к любви и жизни». «К нему вновь вернулась любовь к жизни, подавившая ужас смерти» [Бурсов 1956: 543]. Это было, по мысли Э.Г. Бабаева, «нравственное пробуждение Левина» [Бабаев 1978: 43].

Отметим еще одну важную сцену в романе: это единственная встреча главных героев – Анны и Левина, когда между ними состоялся «полный содержания» диалог, в котором каждое сказанное слово было понято другим (ч. 7, гл. IX-X). Левин понял Анну, ее внутреннюю драму, «почувствовал к ней нежность и жалость, удивившие его самого». В романе Л.Н. Толстого, отмечает Э.Г. Бабаев, «важным было не то, что Анна и Левин встретились, а то, что они не могли не встретиться» [Там же: 112]. Так единственный раз в романе напрямую пересекаются две его сюжетные линии.

Вся восьмая часть романа посвящена Левину. Казалось бы, счастливый семьянин, муж и отец, Левин получил все, чего он так страстно желал в начале романа. По-прежнему больше всего Левина мучает вопрос о смерти: «откуда, для чего, зачем и что она такое» (349). Он пытался найти ответы на свои вопросы не только в христианстве, но и в философии, во взглядах других людей.

Так мысль Левина направляется в другое русло: невозможность решения вопросов социально-экономических,

переделки хозяйства на новый лад (а это было невозможно при сохранении дворянско-помещичьих привилегий, от которых не отказывается Левин, потому что этот шаг еще не совершил в своей жизни сам автор романа) заставляет толстовского героя обратиться к вечным этико-философским вопросам: «Без знания того, что я такое и зачем я здесь нельзя жить» (352).

Поиски ответа на вопрос «зачем я здесь» становятся главными для Левина, определяя всю его дальнейшую жизнь. «Теперь он, точно против воли, все глубже и глубже врезывался в землю, как плуг, так что уж и не мог выбраться, не отворотив борозды» (353). Левин теперь знал, «что ему надо делать, как ему надо все это делать и какое дело важнее другого» (354). И все это приводило его к осознанию того, что внутри его есть то, что судит его. «Присутствие непогрешимого судьи, решавшего, который из двух возможных поступков лучше и который хуже; и как только он поступал не так как надо, он тотчас же чувствовал это» (355). Не это ли осознание давало Левину силы жить дальше? Не есть ли это вера, которую он так долго искал?

К осознанию спасительности веры Левина подтолкнул разговор с мужиком Федором. По мужицкой правде, носителем которой является Федор, есть два типа людей: которые для себя живут и которые для души, Бога помнят, то есть живут по божьим заповедям. «Слова, сказанные мужиком, произвели в его душе действие электрической искры, вдруг преобразившей и сплотившей в одно целый рой разрозненных, бессильных отдельных мыслей, никогда не перестававших занимать его» (358). Левин осознает слова Федора как самые мудрые слова ему когда-либо сказанные. Левин понимает, что разумом никогда нельзя было бы дойти до того чувства, которое он испытал после слов Федора: смысл жизни в том, чтобы «жить для бога, жить для души» (360).

Левин осознает, что *это* даже не открытие, что он всегда знал *это*, только шел к нему не теми путями. Признание всех людей детьми Божьими дается Левину с радостью. «Неужели это вера? – подумал он, боясь верить своему счастью. – Боже мой, благодарю тебя!» (363).

Открытие возможности для себя веры, непреложности закона добра все же не освобождало Левина от сомнения. Левин теперь понимал, что в его жизни по-прежнему будет место и ошибкам, и раскаяниям, и сомнениям. Но он также понял главное: «жизнь моя теперь, вся моя жизнь, независимо от всего, что может случиться со мной, каждая минута ее – не только не бессмысленна... но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее!» (381).

Эти финальные размышления Левина, мысли, к которым он приходит в результате мучительных нравственных поисков, и составляют *кульминацию* в сюжетной линии героя и всего романа «Анна Каренина», оставляя *открытым* его финал.

Две отдельно проанализированные линии могут создать впечатление (как и поверхностное прочтение романа), что Анна и Левин – героини-антиподы. А значит – две сюжетные линии никак не связаны в романе между собой (если не считать единственной встречи Анны и Левина в 7-й части романа, о которой говорилось выше)? Где же тогда тот «внутренний» замок, о котором писал автор «Анны Карениной»?

В результате предпринятого нами анализа, мы пришли к выводу, что «внутренняя связь», а значит художественная целостность романа, обусловлена *поисками смысла жизни*, которые ведут оба главных героя, но в разных направлениях. Точнее, в начале романа оба героя смысл жизни видят в одном и том же – в личном счастье. Как писал Э.Г. Бабаев, «уже первые сцены указывают на общность “путей”, на которых сталкиваются и перекрещиваются судьбы героев... романа» [Бабаев 1978: 48]. Однако понимание счастья, а главное – «избрание пути», ведущего к нему, у них оказываются разными. Отсюда разным оказывается итог их исканий.

Анна, сосредоточившись на поисках лишь своего личного счастья и заблудившись в «паутине лжи», проходит свой путь, сопровождающийся постепенным усилением отчаяния. «Все неправда, все ложь, все обман, все зло!» – вот тот вывод героини, который делает невозможной ее дальнейшую жизнь: «Я чувствую, что лечу головой вниз в какую-то пропасть, но я не должна спастись. И не могу» (348).

Левина же, постепенно осознающего невозможность ограничения узкосемейной, пусть и счастливой жизнью, спасают его поиски веры и «дело», которое было «единственной руководительной нитью», выведившей его из «темноты» незнания: «и он из последних сил ухватился и держался за него» (386). Так Левин, тоже через отчаяние, ужас смерти, приходит к спасительному пониманию существования в жизни «несомненного смысла добра».

Левинский путь более тернист и сложен, но этот путь выводит его к свету. Неслучайно образ Левина в его исканиях добра и правды соотносится с образом плуга, «всё глубже и глубже» врезающегося в землю. Образ же Анны сопровождается образом-символом потухающей свечи и наступающего мрака. Следовательно, если бы не было образа Левина, роман был бы безысходно трагичен. И в этом смысле прав Э.Г. Бабаев, утверждая: «без Левина не было бы и романа как целого» [Бабаев 1978: 112].

Добавим к этому, что вопросы жизни и смерти, которыми задаются главные герои, находят отражение и в сюжетной организации романа. Смерть брата Николая и роды Карениной, смерть Карениной и роды Кити. Седьмая часть романа открывает, по словам А.А. Фета, «два видимых и вечно таинственных окна: рождение и смерть» [Цит. по: там же: 122]. Зеркальное расположение этих поворотных событий в романе дает основание сделать вывод о том, что философская проблема жизни и смерти, является сквозной в романе. А главное – так автор на «внутреннем» уровне художественной структуры романа подчеркивает связь двух сюжетных линий. «Система “сцепления” мыслей при помощи художественных образов, – писал Н.К. Гудзий, – и сделала “Анну Каренину” произведением, в котором глубина идейного замысла органически и неразрывно сочеталась с неослабевающей мощью словесного искусства» [Гудзий 1960: 109].

Литература

Бабаев Э.Г. «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. М. : Худож. лит., 1978.

Бабаев Э.Г. Комментарии. «Анна Каренина» // Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1982. Т. 9. «Анна Каренина». С. 417 – 448.

Бурсов Б.И., Опульская Л.Д. Л. Толстой // История русской литературы : в 10 т. М. : Изд-во АН СССР, 1956. Т. 9. Ч. 2. С. 433 – 618 (автор раздела, посвященного «Анне Карениной», – Б.И. Бурсов).

Горная В. Мир читает «Анну Каренину». М. : Книга, 1979.

Гудзий Н.К. Вступительная статья и примечания. Л.Н. Толстой «Анна Каренина». Неизданные тексты // Литературное наследство. М. : Изд-во АН СССР, 1939. Т. 35-36. Л.Н. Толстой. С. 381 – 397.

Гудзий Н.К. Лев Толстой : Критико-биографический очерк. М. : Худож. лит., 1960.

Лейдерман Н.Л., Барковская Н.В. Теория литературы (вводный курс) : учеб.-метод. пособие / Урал. гос. пед. ун-т; Науч.-исследоват. центр «Словесник». Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2003.

Толстой Л.Н. Анна Каренина. М. : Наука, 1970.

Толстой Л.Н. Письмо 324 С.А. Рачинскому // Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1984. Т. 18. Избранные письма. С. 819.

Храпченко М.Б. Лев Толстой как художник // Храпченко М.Б. Собр. соч. : в 4 т. М. : Худож. лит., 1980. Т. 2. С. 168 – 228.